

K1514595

Иркутская областная
научно-педагогическая
библиотека им. Н.В.Бибушкина

ДАТ из Библиотеки
семьи Гурч

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА М. А. ШОЛОХОВА ¹

В. В. Г у р а

19 сентября 1923 года читатели «Юношеской правды» прочли на страницах своей газеты небольшой фельетон «Испытание». Под ним стояла подпись: М. Шолох. Это было первое выступление в печати Михаила Шолохова, тогда никому не известного восемнадцатилетнего юноши, приехавшего в Москву со скромным намерением поступить на рабфак и впервые ощутившего «настоящую тягу к литературной работе», а ныне крупнейшего русского писателя, классика литературы социалистического реализма, создателя всемирно известных образцов советского эпоса — «Тихого Дона» и «Поднятой целины». Его имя как знаменитого русского писателя нашего времени широко известно миллионам людей всего мира.

Отмечая полвека жизни Шолохова, можно с гордостью говорить одновременно и об успехах советской литературы, с которой имя Шолохова связано неразрывно и в которую он внес вклад, еще, может быть, до конца не оцененный и, наверняка уже, в полную меру не изученный. Кому же, как не нам, современникам, гордиться писателем, который немалыми трудами и усилиями вслед за своим учителем и наставником Горьким, вслед за Маяковским и другими мастерами слова, завоевывал советской литературе всемирную славу и признание миллионов читателей?

Алексей Толстой не без оснований считал, что если автор «Войны и мира» «завершал целую галерею великих русских писателей 19 века», то «Шолохов, быть может, начинает новую народную прозу, скрепляя ее со старшими богатырями».²

¹ Доклад, прочитанный 24 мая 1955 г. на заседании Ученого совета Института русской литературы (Пушкинский дом АН СССР), посвященном 50-летию со дня рождения М. А. Шолохова. (Печатается в сокращении).

² Архив А. Н. Толстого. ИМЛИ. № R55.

Со дня первого выступления Шолохова в печати прошло тридцать два года. Сравнивая фельетоны и донские рассказы Шолохова с его романами, убеждаешься в том, что путь этого писателя в литературе был действительно творческим. Уже в годы восстановления нашей страны талант Шолохова окреп и засверкал. С тех пор его книги ожидалось с большим интересом, чтение их становилось памятной датой жизни.

События Великой Октябрьской революции, борьба партии и народа за полную победу социализма определили драматическое содержание и эпический размах произведений Шолохова, подлинную народность и философскую глубину их. С горьковской любовью раскрыл писатель-гуманист богатый душевный мир, сложные человеческие чувства народа, его светлый моральный облик, неиссякаемую одаренность, постоянное стремление к свету и правде.

Произведения Шолохова объединены глубоким внутренним смыслом. Это — летопись судеб народа на разных этапах его революционного пути. Началом ее были «Донские рассказы», новым звеном — эпическое полотно о путях народа к советской власти — роман «Тихий Дон», продолжением — «Поднятая целина» — книга о дальнейшем росте народного сознания, о единстве народа и партии в борьбе за новую социалистическую жизнь. Шолохов реалистически, с присущим ему мастерством, нарисовал характеры, передал ситуации и конфликты, типичные для нашего времени. Вот почему он властно вошел в жизнь своих современников, вот почему он стал знаменитым писателем нашего времени, писателем нашей социалистической эпохи.

Критика всегда проявляла пристальное внимание к творчеству Шолохова. Ему не приходилось, как, скажем, Серафимовичу, в самом начале творческого пути испытывать горечь молчания критики. Отзыв о первом рассказе Шолохова появился еще до опубликования самого рассказа. Автор этого отзыва Александр Жаров 15 марта 1924 г. на страницах газеты «Молодой ленинец» отмечал сочный, образный язык первого рассказа Шолохова, но советовал работать терпеливей и упорней. В самом начале 1926 г. в «Журнале крестьянской молодежи» положительную оценку получил рассказ Шолохова «Пастух», а вскоре на сборник «Донских рассказов» откликнулись почти все журналы того времени. В течение четырнадцати лет различные газеты и журналы помещали на своих страницах рецензии и статьи о «Тихом Доне», публиковали обзоры, отзывы читателей, открывали дискуссии. Рецензент ростовского журнала «На подъеме» уже в 1928 г. писал, что „Тихий Дон” — целое событие в литературе: отзывы о нем не сходят со страниц журналов и газет вот уже несколько месяцев».¹ Большое количество

¹ «На подъеме», Р.-на-Д., 1928, № 10, стр. 63.

во статей, рецензий, читательских писем появилось и после опубликования первой книги «Поднятой целины».

Рецензентов привлекают публицистические статьи, очерки и даже отдельные главы не законченных Шолоховым произведений. Количество статей и рецензий, посвященных только произведениям Шолохова, исчисляется многими сотнями. Вскоре после окончания «Тихого Дона» появились и первые критико-биографические очерки В. Ц. Гоффеншефера и И. Г. Лежнева. Из статей этих лет особого внимания заслуживают статьи И. Кравченко, В. Р. Щербины и Ю. Б. Лукина.

Углубленное научное изучение творческого вклада автора «Тихого Дона» и «Поднятой целины» в советскую литературу связано с послевоенными годами. С 1945 года написано и защищено 14 кандидатских диссертаций по различным вопросам творчества Шолохова.

Во многих диссертациях собран, систематизирован и осмыслен весьма интересный материал, заслуживающий широкой гласности.

Кроме диссертаций известно около десяти книг, посвященных анализу творчества Шолохова.

Вышли в свет книги И. Лежнева, Ю. Лукина, Л. Якименко, появились два библиографических справочника, с интересными статьями о «Тихом Доне» выступили В. Кирпотин, К. Потапов, И. Ермаков и др. Из работ о «Поднятой целине» выделяются содержательные статьи Ф. Абрамова, вносящие много нового в наши знания об этом произведении.

При определении задач дальнейшего изучения творчества Шолохова следует обратить внимание на крайне странное явление, с которым все чаще приходится встречаться в ряде работ по советской литературе. Это — отказ от хороших традиций советского литературоведения, стремление уклониться от истории вопроса, от анализа работы предшественников по теме, причем подобные тенденции сказываются даже в коллективном труде «Очерк истории русской советской литературы».

Бесчисленные факты говорят о том, насколько далеко зашло нигилистическое, а иногда раздраженно-пренебрежительное отношение к тому, что сделано советской критикой в области изучения творчества Шолохова. В книге И. Лежнева «Михаил Шолохов» (1948), насчитывающей более 500 страниц, почти не нашлось места для анализа суждений советских критиков о Шолохове. В историографических введениях ряда диссертационных работ диссертанты (под видом борьбы с рапповскими ортодоксами, действительно немало потрудившимися над тем, чтобы не только охладить восторги читателей «Тихого Дона», но и дискредитировать роман в их глазах) спешат зачеркнуть все написанное о Шолохове до 1932 года. Не поэтому ли до сих пор обстоятельно не изучены, скажем, отзывы Горького тех лет, Серафимовича, Луначарского, других писателей и критиков? До сих

пор замалчивается та идейная борьба, которая развернулась вокруг «Тихого Дона», и не вскрывается та сложная обстановка, в условиях которой работал Шолохов над последующими книгами этого романа.

Шолохов входил в литературу стремительно. Но это далеко не всем было по душе. На пути молодого писателя возникали такие рогатки, которые сейчас не сняты молодым писателям. Одному из начинающих авторов Шолохов писал: «Если бы я взялся поддерживать тебя такими методами, какими в первые годы братья-писатели поддерживали меня, то ты загнулся бы через неделю».¹

Работа над «Тихим Доном» велась в обстановке напряженной идейной борьбы вокруг этого романа. Закрывать на это глаза — это значит извращать творческую биографию автора «Тихого Дона», замалчивать ту огромную роль, которую сыграла в литературной судьбе писателя наша партия, всячески боровшаяся с травлей Шолохова, замалчивать ту роль, которую сыграли Горький, Серафимович и другие зачинатели нашей литературы в судьбе большого художника. Известно, например, что отдельное издание третьей книги «Тихого Дона», публикация первой книги «Поднятой целины» в «Новом мире» состоялись только после того, как в это дело вмешался ЦК партии. И Шолохов не раз с благодарностью вспоминал об этой помощи.

19 апреля 1928 г. в «Правде» была опубликована статья Серафимовича. Серафимович был, пожалуй, первым критиком, правильно вскрывшим замысел и основные черты дарования Шолохова, увидевшим в нем преемника лучших традиций великой русской литературы. Кроме того, рецензия Серафимовича — не только его личная оценка «Тихого Дона», но и выражение позиций центрального органа нашей партии. «Правда» высоко оценивала новое явление в литературе, намечала пути творческого роста талантливого художника.

До сих пор никто не подумал о том, почему именно в 1932—1933 гг. появляется большая часть отзывов о Шолохове, содержащихся в критических статьях и письмах Горького?

Обращая внимание на литературу в целом, а не на единичные явления ее, оценивая ряд книг, посвященных теме гражданской войны, Горький связывает эти произведения с успехами напряженного строительства нового мира, видит в них и героинку в изображении больших революционных событий, и талантливое использование «трагического материала гражданской войны». Горький не только призывает раскрыть индивидуальное лицо каждого автора, но и ставит в связь произведения таких различных писателей, как Вс. Иванов, А. Фадеев, М. Шолохов.

Кажется, давно поставлена эта задача и поставлена Горьким, но до сих пор мало что сделано для ее решения. Прошли

¹ Из неопубликованного письма М. Шолохова к Г. А. Борисову (Озномоу). ЦГЛА, ф. № 1197, ед. хр. 6/№. л. 1.

мимо этого указания Горького и авторы «Очерка истории русской советской литературы». В «Очерке», например, большое внимание уделено успехам советской литературы в разработке эпических жанров. Указывается, что эпические тенденции, характерные для Горького, Маяковского, Серафимовича, получают свое дальнейшее развитие в творчестве Шолохова, А. Толстого, Фадеева и других писателей. Но вклад каждого из них в создание советского эпоса остается весьма неопределенным. Да и вряд ли можно выяснить значение Шолохова в литературе 20-х и начала 30-х годов, если в «Очерке» отсутствует серьезный анализ «Тихого Дона». Кроме того, этот анализ переносится в конец периода довоенных пятилеток. А ведь каждая книга этого романа интересна и сама по себе, как звено эпопеи, как факт литературного процесса. Каждая книга «Тихого Дона» появлялась в определенное время, чем-то отличалась от предшествующей, вносила что-то новое в литературу, была связана с тем этапом ее развития, в который она создавалась. Только при условии исторического подхода к роману «Тихий Дон» можно выяснить значение Шолохова в становлении и развитии советского эпоса. Перенесение разговора об этом произведении к дате завершения его четвертой книги ничего не дает для выяснения места «Тихого Дона» в литературном процессе, а лишь исключает его из этого процесса.

Хотелось бы напомнить и о другой задаче, поставленной Горьким в плане изучения творчества Шолохова и в связи с современной ему литературой. Горький в 1933 г. называл «Поднятую целину» среди «наших литературных достижений», а позже призывал к сравнительному анализу «Поднятой целины» с другими романами и повестями о становлении колхозов. Видимо, сравнительный анализ этих произведений, от которого отказывались до сих пор почти все писавшие о Шолохове, и в том числе авторы «Очерка истории русской советской литературы», мог бы привести к важным для истории литературы выводам, дал бы возможность глубже уяснить соприкосновение авторов этих книг и своеобразие решения ими тех или иных проблем.

Все сказанное — лишь наиболее яркие примеры того, какое большое значение для осмысления творчества Шолохова имеет изучение промадного материала, уже накопленного советской критикой и литературоведением. Система критических оценок складывалась не сразу, критика и литературоведение развивались вместе с ростом нашей литературы, и забывать то, что сделано ими, значит превращаться в Иванов, не помнящих родства.

К сожалению, есть еще такие критики (Л. Якименко), которые, отвергая все написанное ранее, заимствуют «свои» суждения из этих же работ. Подобные «методы» борьбы за приоритет в науке ничего не дают делу изучения творчества Шолохова.

Необходимо решительно отказаться от всяких попыток пройти мимо того, что уже сделано, не повторять давно известных истин. Пора объединить и как-то координировать работу тех, кто изучает творчество Шолохова.

Другая важная задача диктуется насущной необходимостью постоянно вводить в научный оборот все новые и новые литературные факты. Дальнейшее изучение творчества Шолохова просто невозможно без предварительного научного отбора нового фактического материала, без углубленного его изучения и теоретического освещения. Отрадно, что работы, насыщенные новым материалом, появляются все чаще и чаще. Но надо сказать, что очень уж долго брались на прокат давно известные факты, переходившие из одной работы в другую. Правда, и до сих пор еще приходится встречаться с далеко недостаточной предварительной, черновой работой по изучению историко-литературных фактов, связанных с творчеством Шолохова, с жизнью и литературой. Так, Л. Якименко в представленной в сборник лекций МГУ рукописи сообщал, что рассказ «Червоточина» написан в 1927 г., и доказывал, что в этом рассказе Шолохов дает изображение кулака более глубокое, чем в написанном якобы раньше рассказе «Смертный враг». На этом основании автор делает вывод, что образ кулака Якова Алексеевича приближается к образу скрытого врага периода коллективизации Якова Лукича Островнова из «Поднятой целины». На первый взгляд наблюдение интересное, но, к сожалению, под ним нет прочной фактической основы.

Во-первых, сам Шолохов указывал на титульном листе сборника «Лазоревая степь», что все его рассказы написаны в 1923—1925 гг., а не в 1927 г., как этого бы хотелось Л. Якименко для соблазнительной возможности проследить эволюцию писателя в изображении врага. Во-вторых, рассказы «Смертный враг» и «Червоточина» опубликованы впервые почти одновременно: первый в журнале «Комсомолия» (1926, № 3), второй — в журнале «Смена» (1926, № 10). На каком же основании Л. Якименко противопоставляет эти рассказы, считая один из них «ранним», а другой «поздним»? Эта ошибка почти дословно повторена в книге Л. Якименко «„Тихий Дон“ Шолохова» (1954).

Изучению раннего творчества Шолохова должна предшествовать большая работа над первоначальными публикациями рассказов в газете «Юношеская правда», в журналах «Комсомолия», «Огонек», «Смена», «Прожектор», в «Журнале крестьянской молодежи», в альманахе «Молодость» и др.

Хранящиеся в архивах рукописи рассказов Шолохова могли бы рассказать о той борьбе, которую пришлось вести с редакторами молодому писателю, прежде чем его произведения появлялись в печати. Характерен, например, случай с рассказом «Алешкино сердце». В рукописном тексте он завершается так:

командир продотряда спасает Алешку, отбросив в сторону гранату, с которой Алешка уже сдернул кольцо. Очнувшись после взрыва, Алексей увидел над собой зеленое от бессонных ночей лицо командира, а под его запотевшими очками — небольшие слезинки и дрожащую улыбку. В сборнике «Донские рассказы» (1926) была дана другая редакция: Алешка подрывается на гранате, не желая убивать четырехлетнюю девочку, которую держал на руках один из бойцов, окруженных в доме.

Грубейшим образом исказили «редакторы» идейное содержание этого рассказа, включая его в сборник «Лазоревая степь». Здесь Алешка просто не успевает сдернуть кольцо гранаты. Все кончается благополучно.

Долгое время не включался в общие сборники один из лучших рассказов Шолохова «Жеребёнок», а если и включался, то с большими искажениями. Так, например, в сборнике «Рассказы» (1931) был механически «отрезан» конец.

Особенно много путаницы, фактических ошибок в сообщениях о начале литературной деятельности Шолохова. Долгое время считали, что первым печатным рассказом Шолохова является рассказ «Пастух», в то время как таковым всегда был рассказ «Родинка». О самых первых печатных произведениях Шолохова — фельетонах «Испытание», «Ревизор», «Три» — совсем забыли, хотя вовсе небезинтересно было бы знать, что Шолохов начинал творческий путь изображением молодежи, рабфаковцев, комсомольцев, настойчиво подчеркивал связь своих фельетонов с жизнью.

В связи с важнейшей задачей, поставленной партией перед нашей критикой и литературоведением — обобщать творческий опыт мастеров советской литературы, — кропотливая и трудная работа предстоит по дальнейшему накоплению фактов, освещающих творческую историю романов Шолохова «Тихий Дон» и «Поднятая целина». Особый интерес в связи с этим приобретают отчеты о беседах с Шолоховым, которые появлялись в печати с 1930 г. У Шолохова бывали А. Серафимович, В. Кетлинская, И. Дзержинский, А. Калинин, Ю. Лукин, Я. Кривенко и другие писатели, журналисты, критики, которые в свое время опубликовали ряд сообщений писателя, касающихся истории создания его произведений.

Чрезвычайно важный материал о работе Шолохова над «Поднятой целиной», можно почерпнуть в вёшенской газете «Большевицкий Дон», в ростовской периодике.

В печати уже отмечалось, что автор «Тихого Дона» проделал огромную работу над историческими источниками, равносильную научному открытию, что Шолохов, вникая в детали, стремился в художественной форме показать исторический процесс в его движении и развитии, что по его книгам можно изучать историю. «До „Тихого Дона“ и „Поднятой целины“», — говорил историк Шестаков, — у меня не было четкого представле-

ния о современном казачестве. Романы Шолохова показали мне жизнь донских казаков во всей ее многогранности, познакомили с бытом казаков, раскрыли их характеры и психологию».¹

«Художественному успеху „Тихого Дона“, — писал в свое время критик В. Перцов, — немало помогло совершенное знание автором своего материала — знание, которое можно сравнить со знанием краеведа, этнографа, историка нравов и т. д.»² Однако широкие круги советских читателей до сих пор не знают, каким фольклорно-бытовым и историческим материалом и как пользовался Шолохов, каким образом вводил эти материалы в роман, достигая исторической точности и художественной выразительности.

Не лучше обстоит дело с исследованием печатных текстов «Тихого Дона» и «Поднятой целины». Правда, в последнее время, в связи с выходом исправленных автором изданий этих романов, появились содержательные статьи И. Лежнева, но и автора этих статей не заинтересовала работа, проделанная писателем над исправлением предшествующих изданий романов, хотя, например, история печатного текста «Тихого Дона» до 1946 г. давно заслуживает специального внимания. Если журнальные тексты первых двух книг романа перепечатывались Шолоховым до 1933 г. почти без изменений и лишь в издании «Роман-газеты» вместо порядковой нумерации каждая глава получила свое название, то в первом отдельном издании третьей книги Шолохову пришлось восстанавливать целый ряд сцен, в том числе описание смерти Петра Мелехова, разговора Штокмана, Котлярова и Кошевого с казаком-старообрядцем и ряд других сцен и глав, опущенных редакцией журнала «Октябрь».

Наибольшей правке «Тихий Дон» подвергся в 1933 г., при подготовке к печати первых трех книг в издании «Художественная литература». Работа, проделанная Шолоховым, с одной стороны, направлена на более точное и яркое раскрытие идейного смысла ряда сцен, с другой — на устранение языковых погрешностей. Придавая языку романа исключительно большое значение, Шолохов вносил исправления и в 1936, 1937, 1946 гг. Подобная работа была проделана и над печатным текстом «Поднятой целины».

Творческой взыскательности, умению работать над широкими эпическими полотнами, опыту работы по сбору и отбору исторического и фольклорно-бытового материала и методу его использования, приемам лепки характеров — всему этому могут учиться у Шолохова молодые писатели, вступающие в литературу.

Ю. Б. Лукин, в течение ряда лет редактировавший романы Шолохова, пишет: «Слишком часто молодые, — да и не только

¹ «Литературное обозрение», 1937, № 19—20, стр. 72.

² «Знамя», 1936. № 11, стр. 258.

молодые, — авторы несут в издательство заведомо сырые рукописи в расчете на то, что редактор — на то и редактор, чтобы „доправить” и „подчистить” что нужно. . . Скажу только, что и в этом отношении для многих и многих образцом является редкостно взыскательный к себе художник — Шолохов, рукописи которого поступают в издательство выверенными с исключительной тщательностью».¹

В последнее время под разными предлогами, а иногда без предлогов обходятся или обидно скупо освещаются биографии советских мастеров художественного слова. Дело дошло до того, что о некоторых писателях трудно найти самые минимальные биографические сведения. Предстоит большая работа и по накоплению новых фактов биографии Шолохова, крайне необходимых для осмысления его творчества. Известно, например, что большое влияние на формирование Шолохова как писателя оказали впечатления детства и юности. «Я родился на Дону, — говорит Шолохов, — рос там, учился, формировался как человек и писатель, воспитывался как член нашей Коммунистической партии. . .»² Для того чтобы раскрыть смысл этих слов Шолохова и показать процесс формирования писателя, надо обогатиться достаточно убедительными фактами его биографии, проливающими свет и на его творчество. Например, в годы обучения в гимназии Шолохов проявлял особый интерес к творчеству Гоголя, пробовал инсценировать его повести. Может быть, эти биографические факты в совокупности с другими, в связи с анализом произведений Шолохова, приведут исследователя к выводам, важным для понимания творчества писателя. Весьма примечательно, что связь с Гоголем устанавливается уже с первых литературных опытов Шолохова. В фельетоне «Ревизор» Шолохов сознательно проводит параллель со знаменитой комедией Гоголя, подсказавшей молодому журналисту всю композиционную структуру его фельетона. Может быть, какие-либо новые факты поставят это сообщение в связь с другими и дадут возможность показать, как Шолохов отказывался от механически-подражательного отношения к Гоголю и шел к творческому усвоению его опыта.

В условиях нашей действительности формируется тип нового писателя — советского писателя, общественного деятеля. На примере жизни и творчества Шолохова можно показать, как тесная связь писателя с народом, участие его в общественно-политической жизни страны помогали созданию произведений, правдиво отражающих действительность.

Чуждые нам взгляды на творчество Шолохова давно разбиты советской критикой. В этом большая заслуга В. Гоффеншефера,

¹ Ю. Лукин. Заметки редактора. «Литературная газета», 15 ноября 1938 г., № 63, стр. 3.

² Речь М. А. Шолохова к избирателям. В сб. «Мастера искусств депутаты Верховного Совета СССР». Изд. «Искусство», М., 1938, стр. 40.

Ю. Лукина и других критиков, наметивших пути для углубленного понимания идейного смысла романов Шолохова и их политического и литературного значения. И теперь, видимо, речь должна идти не столько о борьбе с отдельными ошибками, которые, к сожалению, имеются еще в ряде работ и заслуживают, конечно, всяческого осуждения, а о фундаментальном, тщательном научном изучении творческого пути Шолохова, отдельных проблем его творчества, его вклада в литературу.

Критик Ю. Б. Лукин, написавший не одну работу о Шолохове, приходит к этому же выводу. «Творчество Шолохова, — пишет Ю. Лукин, — привлекло к себе внимание многих литературных критиков, исследователей. И, однако, сделано в этой области еще очень мало. Поэтому так отрадно, что все шире становится интерес к нему со стороны молодых ученых, пишущих научные работы, монографические исследования, диссертации, посвященные проблемам изучения творчества выдающегося советского писателя. Фундаментальная научная разработка ценнейшего, по сей день еще недостаточно изученного, вклада М. А. Шолохова в советскую литературу открывает все новые и новые возможности для исследователей его творчества».¹

До сих пор не изучены в полной мере раннее творчество Шолохова, его пути к большому мастерству, к эпическому повествованию о народе и революции. «Донские рассказы», «Лазоревая степь» — это не только «сильный разбег в большую творческую жизнь», как считают некоторые критики. Значение рассказов выходит за пределы творческой биографии писателя. Обратившись к изображению гражданской войны вслед за Фурмановым и Серафимовичем, Шолохов именно со стороны этих писателей получил высокую оценку и признание. Рассказы Шолохова о гражданской войне встретили одобрение Д. Фурманова прежде всего потому, что они были близки его идейным позициям, потому что им была чужда идеализация стихийного начала в революционном движении. За эту жизненную правдивость ценил донские рассказы и автор «Железного потока» А. Серафимович. Шолохов уже в ранних рассказах выступал против идеализации, ложной романтизации действительности, полемизировал с упрощенным, а подчас ошибочным представлением некоторых писателей о путях народа в революции и гражданской войне. Шолохов раскрывал народную борьбу за советскую власть как необычайно сложный процесс, прослеживал рост революционных настроений в казачьей среде, преодоление трудностей и противоречий на путях к новой жизни — все это заставляет исследователей тщательно изучить истоки творчества Шолохова и определить место его рассказов в советской литературе.

¹ Ю. Лукин. Михаил Шолохов. Изд. «Советский писатель», М., 1952, стр. 126—127.

Луначарский еще в 1929 г. рассматривал «Тихий Дон» «как ценный вклад в литературу о массах».¹ Мысль о народе как главном герое «Тихого Дона» была высказана и позже (в 1940 г.) в статьях В. Щербины, Ю. Лукина, Н. Жданова. Один из зарубежных критиков особенно подчеркивал, что у Шолохова есть чувство народа, что довольно редко встречается в литературе какой-либо другой страны, кроме России.

Шолохов, по его словам, прежде всего стремился передать на примере судеб донских казаков «те колоссальные сдвиги в быту, жизни и человеческой психологии, которые произошли в результате войны и революции», показать «различные социальные слои населения».² На богатом конкретно-историческом материале писатель развивал мысль о том, как события войны и революции способствовали росту сознания народа, вызвали огромные сдвиги в его психологии. В том и значение «Тихого Дона», что Шолохов отразил в нем коренную ломку старых устоев, нарисовал эпическую панораму рождения нового, социалистического мира. Облик живого народного коллектива, состоящего из множества четко индивидуализированных, типических фигур, определяет и структуру романа Шолохова «Поднятая целина», в котором рисуется картина массового движения крестьянства в колхозы, участие народа в строительстве социализма. Шолохов показывает, что рождение колхозной жизни неотделимо от роста активности народных масс, связано с большими переменами в их сознании.

Однако долгое время в литературе о Шолохове наблюдалось сужение идейного богатства особенно «Тихого Дона». И. Лежнев, например, в своей монографии сосредоточился преимущественно на изучении судьбы отдельной личности — Григория Мелехова, отрывал его путь от путей народа в революции. Сведение идейного смысла «Тихого Дона» к судьбе Григория Мелехова сужает идейное богатство этого эпического полотна о народе, снижает его значение. Правда, в последние годы в некоторых диссертациях и статьях о «Тихом Доне», в критико-биографическом очерке Ю. Лукина, а затем в книге Л. Якименко «„Тихий Дон“ Шолохова» сделаны первые попытки изучить характер изображения Шолоховым народа. То же самое наблюдается в диссертациях Ф. Абрамова и Я. Кошелева, посвященных «Поднятой целине». Но наметившийся в этом отношении перелом следует признать лишь началом большой работы по детальному изучению вклада Шолохова в развитие советского эпоса.

¹ А. Луначарский. Литературный год. «Красная панорама», № 1 (4 января), Л., 1929, стр. 5—6.

² М. Шолохов. К английским читателям. Предисловие к роману «Тихий Дон». 10 июня 1934 г., Вёшенская. Архив ИМЛИ, фонд М. А. Шолохова.

Богатые перспективы не только для понимания идейного смысла романа «Тихий Дон», но и для творческого роста наших советских литераторов может дать новое, подлинно научное изучение особенностей типизации такого чрезвычайно сложного характера, как характер Григория Мелехова. В свое время В. Гоффеншефер (да и не только он) на основании того, что судьба Григория не совпадает с судьбой народа, пришедшего к революции, делал вывод, что Григорий — характер не типический.

Изучение образа Григория Мелехова разрушает ошибочные суждения критика. Григорий Мелехов — художественный тип, обусловленный и порожденный конкретно-историческими революционными событиями периода перехода от капитализма к социалистическому строю. В его исканиях и связанных с ними колебаниях и сомнениях писатель заострил и раскрыл одно из явлений того времени — непоследовательность, социальную неустойчивость психологии мелкобуржуазных слоев, показал трагедию тех, кто должен был идти с народом, но, запутавшись в противоречиях, затянувшихся блужданиях, не пришел к пониманию революционной правды и стал на путь борьбы с трудовым народом. Шолохов показал, что опустошало Григория Мелехова, что сделало бессмысленной его жизнь, что обрекло на гибель одаренного, но порвавшего с народом человека. Это социальное явление справедливо называют теперь по имени героя «Тихого Дона» — мелеховщиной.

И тут неизбежно должен стать вопрос о воспитательном значении «Тихого Дона», книги, которая, по словам румынской печати, «способна не только направить развитие литературы, но и изменить сознание людей».¹

Ю. Лукин справедливо заявляет о том, что Григория Мелехова «никак нельзя занести в удобные для критики рубрики положительных или отрицательных персонажей», и Григорий Мелехов уже совсем не подходящий объект для тех, кто давал перед Вторым съездом писателей рецепты для создания «идеальной личности». Необходимо выяснить вопрос о своеобразном решении Шолоховым проблемы положительного героя на образе Григория Мелехова. Для этого прежде всего надо разграничить два понятия, между которыми у нас подчас не хотят видеть разницы, а именно: «проблема положительного героя» и «положительный герой». Проблема положительного героя не исчерпывается обязательным наличием в произведении «положительного героя», а решается писателем гораздо сложнее.

Когда речь идет о решении писателем «проблемы положительного героя», мы прежде всего имеем в виду воспитательное значение произведения, насколько типичны обстоятельства и характеры, изображенные в нем, во имя чего оно написано, к каким

¹ «Литературная газета», 1949, № 90, стр. 4.

идейным выводам приходит автор, рисуя тот или иной характер. Только при таком подходе к этой проблеме станут понятны сложность ее решения Шолоховым, отношение Шолохова к Григорию Мелехову и то, почему он обрекает на гибель одаренного человека из народа и противопоставляет ему последовательного борца за новую жизнь — Михаила Кошеского. При таком рассмотрении этого вопроса Григорий Мелехов, конечно, не станет тем «трагикомическим персонажем», каким хотел его представить В. Ермилов.

Уставное положение искусства социалистического реализма, гребующее от писателя воспитания трудящихся в духе коммунизма, разъясняет, чему должен быть подчинен принцип правдивого, исторически-конкретного изображения действительности в ее революционном развитии. Очевидно, что появление произведений, в которых сказалось стремление некоторых писателей «улучшить» действительность в угоду воспитательным целям литературы, не следует объяснять неточностью этого положения, проверенного опытом лучших советских писателей, в том числе и опытом Шолохова.

Изучение творчества Шолохова может дать конкретный материал для чрезвычайно важных теоретических обобщений о путях формирования и утверждения метода социалистического реализма в нашей литературе. Укрепление ее на позициях социалистического реализма, кроме других важных условий, связано с тем, что она, с одной стороны, опиралась на традиции классической литературы, а с другой стороны, на свой опыт, на свои достижения.

Творчество Шолохова может дать в руки исследователя большой материал, который позволит раскрыть связи советской литературы с русской классической литературой. Такое изучение прояснит вопросы, которые еще не получили конкретного ответа, — что именно усваивает советская литература в классическом наследии и в чем ее новаторство, каковы ее особенности, обусловленные новой исторической эпохой. О том, что Шолохов наиболее яркий продолжатель классической литературы в современной прозе, говорилось неоднократно. М. И. Калинин видел основную причину успеха Шолохова именно в продолжении им традиций классической литературы. Р. Роллан также считает, что «лучшие новые произведения советских писателей (например, Шолохова) связаны с великой реалистической традицией прошлого века, в которой воплотилась сущность русского искусства и которую обессмертило мастерство Толстого».¹

Чаще всего говорят о связях Шолохова с Львом Толстым, называют имена Гоголя и Чехова. Однако несмотря на очевидность этих связей они еще не изучены.

¹ R. Rolland. Par la révolution la paix. Paris, 1935, p. 16.

В последние годы в статьях и книгах о Шолохове проявляется стремление связать творчество писателя с литературным процессом. Но чаще всего Шолохов неоправданно противопоставляется некоторым писателям. Идейная общность советских писателей и вместе с тем своеобразие Шолохова-художника еще нуждаются в углубленном изучении.

Продолжая лучшие традиции русской классической литературы, Шолохов вместе с передовыми советскими писателями утверждает своим творчеством в нашем искусстве метод социалистического реализма. Место Шолохова в советской литературе, связи с ее мастерами определяются единством мировоззрения, борьбой за торжество эстетических принципов искусства социалистического реализма. Творческий опыт основоположника этого метода Горького оказал громадное влияние и на Шолохова. Но автор «Тихого Дона» и «Поднятой целины» опирался не только на горьковский опыт изображения революционной действительности, но и на опыт других зачинателей советской литературы. Ко времени вступления Шолохова в литературу были созданы книги Фурманова, Серафимовича, уже утвердившихся на позициях социалистического реализма. Говорил же Шолохов: «Серафимович принадлежит к тому поколению писателей, у которых мы, молодежь, учились».¹

В связи с этим чрезвычайно важно исследование таких вопросов, как «Горький и Шолохов», «Серафимович и Шолохов», а также изучение других многообразных связей Шолохова с зачинателями советской литературы. Принося в литературу свой опыт, свою индивидуальность, Шолохов обогащал традиции своих предшественников, писателей старшего поколения.

Когда выше говорилось о том, что изучение творчества Шолохова чрезвычайно важно для теоретических обобщений, те имелись в виду те необходимые для теории социалистического реализма выводы, которые должны возникнуть на основе обобщения художественного опыта этого писателя, его мастерства. До сих пор не выяснен вопрос, что нового вносили в литературу социалистического реализма романы «Разгром» Фадеева, «Цемент» Gladкова, «Поднятая целина» Шолохова, книги других писателей и почему именно эти книги стали этапными на пути утверждения и развития метода социалистического реализма. Изучение темы «„Поднятая целина“ как произведение социалистического реализма» дало бы очень много и для понимания вклада Шолохова в литературу тридцатых годов, в развитие метода социалистического реализма и для понимания литературного процесса тех лет.

ЦК нашей партии в приветствии II съезду писателей призывал художников слова «к глубокому изучению действительности

¹ М. Шолохов. Писатель-большевик. «Известия», 18 января 1933 г., № 16, стр. 8.

на основе овладения марксизмом-ленинизмом, позволяющим видеть во всей сложности и полноте подлинную правду жизни. . .» Но особенности художественного воплощения правды жизни автором «Поднятой целины», творчески освоившим политику Коммунистической партии и глубоко понимающим те процессы развития, которыми она руководит, литературоведами изучаются мало. Никто не показал, как ясное понимание политики партии в сочетании с прекрасным знанием жизни дало возможность Шолохову отобрать из нее и типизировать в «Поднятой целине» те социально-исторические явления, которые происходили в период коллективизации в деревне.

Во весь голос не говорилось еще и о творческом вкладе Шолохова в литературу периода Великой Отечественной войны. Проблема формирования характера советского воина, с такой силой впервые раскрытая Шолоховым в «Науке ненависти», до сих пор разрабатывается нашими писателями.

В связи с тем, что у нас долгое время наблюдалось стремление стричь под одну гребенку всех писателей, идущих в русле единого метода социалистического реализма, в связи с неизжитыми еще рецидивами социологизирования и невнимания к специфике литературы, не изучалось своеобразие творческих индивидуальностей, четко определявшихся в нашей литературе стилевых течений. Отличие творческого «почерка» автора «Тихого Дона» и, скажем, автора «Цемент» все ощущают, но особенности этой совершенно разной стилиевой манеры даже в общих словах остаются не названными.

Проявляющийся в последние годы интерес к изучению своеобразия индивидуального стиля писателей, попытки разобраться в специфике шолоховского мастерства следует всячески приветствовать. Но пока положено лишь начало этой большой работе. Вопросы художественного мастерства до сих пор чаще всего рассматриваются упрощенно. Критики ограничиваются общими, декларативными рассуждениями, лишены конкретными примерами, такими чисто эмоциональными оценками, как: «мужественность стиля», «могучая выразительность», «красочная живопись», или: «блистательное языковое мастерство», «сила и богатство красок», «удивительное богатство человеческих индивидуальностей», «неповторимый мужественно-правдивый и лирически-взволнованный стиль», «величайшая художественная убедительность», «глубочайший анализ», «поразительное богатство» и т. д. Эти примеры свидетельствуют о том, что многие особенности мастерства Шолохова, которыми справедливо восхищаются критики, так и остаются необъясненными. Декларативно-эмоциональные, субъективно-вкусовые оценки, к сожалению, преобладают над исследовательской струей. Никто, разумеется, не будет возражать против эмоционально-эстетических оценок и рассуждений, но они приобретут силу лишь в том случае, если будут подкреплены конкретным анализом художественного

Решительный отказ от вкусовых оценок, от пересказа содержания, — пусть даже и эмоционального рассказа, — крайне необходимое условие научного исследования мастерства Шолохова. Накопление фактов анализа художественного текста, систематизация этих фактов — второе и, пожалуй, самое важное условие. Как бы ни обвиняли в формализме авторов работ, кропотливо накапливающих конкретные факты анализа текста, но без этих фактов никогда не добиться научно аргументированных выводов. Критики еще годами будут восхищаться «блистательным языковым мастерством» Шолохова, но так и не будут знать, в чем же оно проявляется.

Начинать работу по определению своеобразия стиля Шолохова надо, видимо, с наблюдений над частными стилевыми особенностями и идти от них к общим вопросам шолоховского мастерства. К сожалению, обобщение художественного опыта Шолохова, как и других писателей, основательно тормозит неразработанность в нашем литературоведении самих принципов анализа художественного произведения, методики изучения литературы.

По мнению некоторых исследователей, появление Половцева и Давыдова в Гремячем Логу как-то «намечает» сюжетные линии. Конфликты, оказывается, просто включаются в произведения. Подобные суждения связаны с путаницей и неразберихой в области литературоведческой терминологии, с методологическим разнобоем, без устранения которого нельзя надеяться на сколько-нибудь серьезные результаты и в области изучения мастерства Шолохова.

В изучении писательского мастерства особенно ощущается необходимость объединения усилий языковедов и литературоведов.

Надо добиться того, чтобы языковеды, сохранив свойственную им филологическую тщательность, видели в литературе предмет искусства, а не только объект для лингвистических выкладок.

У нас чаще всего обращается внимание на социалистическое содержание произведений советских писателей, а вопрос о национальной форме их творчества почти совсем не разрабатывается. Известное марксистско-ленинское положение о социалистическом содержании и национальной форме нашей культуры не получает конкретного применения при анализе произведений советской литературы и в том числе при анализе творчества Шолохова. Специфика же проявления социалистического содержания в каждой национальной форме может стать ясной только при условии изучения творческого опыта мастеров художественной литературы и других видов искусства. Думается, что творчество Шолохова в этом отношении весьма благодатный материал. Изучение его под этим углом зрения может опять-таки дать важные выводы для марксистской эстетики.

В нашей литературе все чаще появляются книги писателей разных поколений, испытавших влияние шолоховского мастерства. Это книги А. Первенцева, Н. Сухова, К. Седых, М. Соколова, Г. Шолохова-Синявского, Ан. Калинина, Вит. Закруткина, М. Бубеннова, Д. Петрова-Бирюка и других писателей. С каждым годом количество этих произведений растет, но никто до сих пор даже не задумался над вопросом, почему из ныне здравствующих писателей никто, кроме Шолохова, не оказывает такого сильного влияния на приходящую в литературу молодежь, почему появилось уже, можно сказать, целое стилевое течение, связь которого с творчеством Шолохова несомненна.

Дело, видимо, не только в силе творческой индивидуальности Шолохова. Может быть, ответ на этот вопрос надо искать отчасти в словах Алексея Толстого о том, что Шолохов «начинает новую прозу, скрепляя ее со старшими богатырями». Может быть, творчество Шолохова определяет то главное направление, по которому идет наша литература, и писатели, вступающие в нее, усваивают традиции предшествующих эпох не только непосредственно, но и через творчество Шолохова. Шолохов, видимо, и есть тот «новый, настоящий», как называл его Горький, писатель, пройти мимо которого невозможно. Л. Пасынков приводит следующие слова Горького: «У нас в стране еще не все оценили то, как внимательно и очень серьезно наиболее дальновидные люди Запада относятся к темам наших лучших книг. . . Там наиболее умные читатели признали то, что, например, развитие сюжета двух шолоховских книг — не дело авторского произвола, а серьезное отражение подлинной жизни, с которой должны считаться и в Риме, и в Париже. Вот почему с книжками Шолохова голковые люди Европы считаются, как с самой действительностью».¹

Под сильным влиянием Шолохова оказались и многие писатели старшего поколения. Можно привести десятки высказываний этих писателей. Они свидетельствуют о том, что Шолохов заставлял их своими книгами пристальнее вглядываться в жизнь. Не в меньшей, а, пожалуй, в большей мере, сказалось воздействие Шолохова на складывавшийся в советское время братские литературы. Т. Садыкбеков, например, говорит о том, что «Поднятая целина» помогла ему увидеть новое там, где он мог бы его и не увидеть без знакомства с этим романом. Творчество Шолохова будило и продолжает будить писательскую мысль.

Тема «Шолохов и советская литература» очень широкая, разработка ее еще не начата, поэтому возможно специальное исследование частных вопросов этой темы: Шолохов в оценке советских писателей, творческие связи его с отдельными литераторами и т. д. Разработка каждой из этих проблем интересна сама по себе и вместе с тем освещает часть общей темы

¹ Л. Пасынков. Читатели Шолохова. «Вопросы литературы», 1963, № 3, стр. 54.

о творческих связях Шолохова и о его месте в советской литературе.

Творческий опыт Шолохова чрезвычайно важен для зарубежной прогрессивной литературы, отстаивающей реалистические традиции и находящейся в полосе поисков и приложения метода социалистического реализма к изображению явлений жизни своей страны. Особенно большое влияние творчество Шолохова оказывает на молодую социалистическую литературу стран народной демократии. Произведения китайских писателей Чжоу Ли-бо и Дин Лин, румынского писателя Петру Дмитриу, венгерского Эрне Урбан, произведения других писателей, посвященные, в частности, показу становления деревни на путь коллективного труда, находятся в русле шолоховских традиций.

«На произведениях Шолохова я училась писать о крестьянской жизни», — пишет Дин Лин. Болгарский писатель Г. Корелов так говорит о «Тихом Доне», с которым он познакомился еще в 30-е годы: «Этот роман меня и изумил и наполнил страстью к работе. Только „Война и мир“ произвела на меня такое могучее воздействие».

Можно было бы привести десятки других примеров, но и этих достаточно для того, чтобы сделать вывод о необходимости изучения связей Шолохова с зарубежной литературой и влияния его творчества на прогрессивную литературу мира. К сожалению, в этом отношении сделано очень мало. Предстоит еще большая работа филологов, специалистов в области языка и литературы определенной страны. Может быть, пока эту работу следует ограничить собиранием соответствующих фактов, а потом уже перейти к их осмыслению и обобщению.

Книги Шолохова оказывают не только плодотворное влияние на развитие литературы за рубежом. Они влияют на жизнь, приобретают практическое значение особенно для стран народной демократии, вдохновляют на достижение новых побед в строительстве социализма, вдохновляют передовое человечество на борьбу с силами реакции. Особенно большую роль в этом отношении играет «Поднятая целина». Она буквально живет новой жизнью. Китайские писатели в письме студентам ЛГУ сообщают, что «Поднятая целина» в их стране рекомендуется в качестве дополнительного пособия для изучения генеральной линии и истории Коммунистической партии Советского Союза. По поводу издания романа Шолохова «Тихий Дон» на китайском языке переводчик романа Цзинь Жэнь писал в 1950 г.: «В борьбе корейского и китайского народов с американскими агрессорами эта книга может дать нам ценный опыт борьбы».

Изучение подобных откликов зарубежной печати чрезвычайно важно для освещения мирового значения творчества Шолохова.

Шведский критик Свен Сторк начинает свою статью о Шолохове словами: «Шолохов — крупнейшее имя, которое русский

народ дал мировой литературе после Горького». Болгарский писатель старшего поколения С. Загорчинов восклицает: «Русский народ, советский народ, который дал таких великанов, как Пушкин, Толстой, Шолохов, не может не вызвать уважение у каждого!».

Говоря о мировом значении Шолохова, мы не забываем того, что Шолохов впервые получил высокую оценку у себя на родине, и гордимся этим. Его раньше других ценил советский народ. Можно привести сотни отзывов читателей и критиков.

Вскоре после окончания «Тихого Дона» советский критик Ю. Лукин писал: «Эта книга значительна в числе прочего тем, что она заставляет думать. И одно из размышлений — о том, какой большой художник живет в наше время».

Настала пора от размышлений о большом художнике перейти к подлинно научному изучению его огромного вклада в советскую и мировую литературу.

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЯЗЫКОВОЙ ПРАВКОЙ «ПОДНЯТОЙ ЦЕЛИНЫ»

М. И. Привалова

Подлинно народное произведение литературы покоряет многие поколения читателей не только величием идеи, могучими образами героев, глубиной раскрытия их психологии, мастерством воспроизведения типических обстоятельств, событий, картин природы, но также и искусством языкового выражения его идейно-тематической сущности.

Исключительное богатство и мастерство языка романов М. А. Шолохова неоднократно отмечались и по достоинству оценены критикой. Общеизвестны восторженные оценки его языка, данные А. С. Серафимовичем, А. Н. Толстым, многими советскими критиками и литературоведами.

Хорошо определил недавно одну особенность языка М. Шолохова чешский критик Милан Юнгманн: «Каждое слово у него [Шолохова] звенит и сверкает свежестью, будто оно только сейчас родилось для того, чтобы автор мог вложить его в уста своего героя».¹

Эта первозданная свежесть слова проявляется не только в речи персонажей, но и в изображении событий, и в изумительных описаниях природы.

И тем не менее, несмотря на общепризнанное мастерство языка и стиля романов, их автор неоднократно обращается к готовым произведениям, вносит все новые и новые исправления, основная масса которых имеет языково-стилистический характер.

Многолетняя работа по совершенствованию языка и стиля романов была завершена автором в 1952—1953 гг. новыми изданиями «Тихого Дона» и «Поднятой целины».

¹ Milan Jungmann. Solochov píse pokračování Rozrusene zeme. «Literární noviny», 25 IX 1954 г., стр. 6.